

A close-up portrait of an elderly man with glasses, resting his chin on his hand. The background is a plain, light color.

Ален БАДЬЮ

Загадочное отношение
философии и политики

Ален Бадью

**Загадочное отношение
философии и политики**

**Серия «Современная
философская мысль»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14657363

Ален Бадью. Загадочное отношение философии и политики:

Институт Общегуманитарных Исследований; Москва; 2013

ISBN 978-5-88230-450-7

Аннотация

Загадочность отношения философии и политики в том, что между ними находится третий элемент – демократия. Философия начинается с демократии, но не всегда заканчивается на ней, поскольку требует не релятивизма и не многообразия мнений, а истины, обязательной для всякого разумного существа и ограничивающей, на первый взгляд, пространство демократии. Может быть, демократия важнее философии (как считал Рорти) или же все-таки философия важнее демократии (Платон)? Бадью показывает, что можно выйти из этого тупика, если пойти по пути справедливости

Содержание

Загадочное отношение философии и политики
Конец ознакомительного фрагмента.

6
12

Ален Бадью

Загадочное отношение философии и политики

Alain Badiou

La Relation énigmatique entre politique et philosophie

Перевод с французского Дмитрий Кралечкин

© Alain Badiou, 2011

© Germina 2011

© ИОИ, 2013

* * *

Первый из текстов этого сборника представляет собой лекцию, прочитанную Аленом Бадью 23 октября 2010 года в рамках «Дней Алена Бадью», которые прошли 22, 23 и 24 октября в Париже в «Эколь Нормаль Сюперьёр» (рю д'Ульм), а также в Кампусе Кордельеров. Затем Ален Бадью решил присоединить к этому текста два других, также прочитанных в виде лекций и дополняющих первый текст: «Фигуру солдата» и «Политику как неэкспрессивную диалектику». Мы выражаем ему наше живейшее признание. В равной мере мы

благодарим Изабель Водо (Isabelle Vodoz) за дружескую и во всех отношениях решающую помощь, которая она оказала при работе над этим сборником.

Загадочное отношение философии и политики

Прежде чем приступить к парадоксальному отношению философии и политики, я хотел бы рассмотреть достаточно простой вопрос – о будущем самой философии.

Я начну со ссылки на одного из моих учителей – Луи Альтюссера. По Альтюссеру, рождение марксизма – не нечто простое. Оно зависело от двух революций, двух крупных интеллектуальных событий. Во-первых, от научного события, а именно создания Марксом науки истории, имя которой – «исторический материализм». Второе событие философского толка – это создание Марксом и другими нового течения, называющегося «диалектическим материализмом». Мы можем сказать, что новая философия требуется для прояснения новой науки и помощи при её рождении. Так, философия Платона была затребована появлением математики, философия Канта – физикой Ньютона. Всё довольно просто. В этих рамках можно сформулировать несколько элементарных соображений относительно будущего философии.

Перво-наперво можно сказать, что это будущее зависит, в основном, не от философии и её истории, а от новых фактов в определенных областях, которые сами по себе не имеют философской природы. В частности, от фактов, относящихся-

ся к области науки. Такую роль играла математика для Платона, Декарта или Лейбница, физика – для Канта, Уайтхеда или Поппера, история – для Гегеля или Маркса, биология – для Ницше, Бергсона или Делёза.

Я, в свою очередь, совершенно согласен с тем, что философия зависит от определенных нефилософских областей, и я назвал их «условиями» философии. Я хотел бы просто напомнить, что не ограничиваю условия философии становлением науки. Я предлагаю более широкий список условий, относящихся к четырем разным типам – к науке, но также политике, искусству и любви. Так, к примеру, мои работы зависят от нового понятия бесконечности, но также от новых форм революционной политики, от великих поэтических произведений Малларме, Рембо, Пессоа, Мандельштама или Уоллеса Стивенса, прозы Сэмюэля Беккета, от новых форм любви, которые возникли в контексте психоанализа, а также в результате полного преобразования всех вопросов, связанных с сексуацией и «гендером».

Тогда можно было бы сказать, что будущее философии зависит от её способности постепенно приспособливаться к изменению этих условий. То есть можно сказать, что философия, таким образом, всегда приходит второй, после того, как нефилософская новизна уже состоялась.

Собственно, таким и был вывод Гегеля. Для него философия – это птица мудрости, а птица мудрости – это сова. Но сова вылетает лишь тогда, когда день закончен. Философия

– дисциплина, которая приходит после дня познания, опыта, реальной жизни – в самом начале ночи. Очевидно, поставленная нами проблема будущего философии таким образом решена. У нас два варианта. Первый: начнется новый день творческих экспериментов в области науки, политики, искусства и любви, и у нас будет новый вечер для философии. Второй вариант: наша цивилизация себя исчерпала, и мы можем представить лишь мрачное будущее, будущее вечных сумерек. Таким образом, будущее философии будет заключаться в её медленной смерти, медленном умирании в ночи. Философия будет сведена к тому, что мы читаем в начале прекрасного текста Сэмюэля Беккета «Компания»: «В черноте кому-то дается голос». Голос, у которого нет ни значения, ни слушателя.

И действительно, от Гегеля и Огюста Конта до Ницше, Хайдеггера и Деррида, а также у Витгенштейна и Карнапа, мы обнаруживаем философскую идею вероятной смерти философии, во всяком случае, в её классической форме метафизики. Так буду ли я – как записной хулигатель господствующей формы нашего времени и решительный критик капитало-парламентаризма – проповедовать конец или неперемное преодоление философии? Вам известно, что я занимаю другую позицию. Как раз наоборот, мне важно, чтобы философия, как я говорю в первом «Манифесте философии», сделала «ещё один шаг».

Дело в том, что этот крайне распространенный тезис о

смерти философии, постмодернистский тезис о преодолении философии новыми формами интеллектуальности – более смешанными, более разнородными и менее догматичными, отягощен многочисленными проблемами.

Первая, пусть в определенном смысле слишком формальная, выглядит так: идея о конце философии давно стала типично философской идеей. Кроме того, часто это вполне позитивная идея. По Гегелю, философия достигла своего конца, поскольку философия способна понять, что такое абсолютное познание. По Марксу, философия как интерпретация мира может быть заменена конкретной трансформацией того же самого мира. По Ницше, негативная абстракция, которой представляется старая философия, должна быть разрушена ради освобождения жизненного утверждения, большого «Да!», высказанного всему существующему. А по мысли аналитического направления, метафизические фразы, которые являются совершенно бессмысленными, должны быть деконструированы и заменены ясными предложениями и аргументами, подчиняющимися парадигме современной логики.

Во всех этих случаях мы видим, что громкие заявления о смерти философии в целом и метафизики в частности с большой вероятностью являются риторическим приемом, позволяющим указать на новый путь, новую цель в самой философии. Лучший способ сказать «Я – новый философ» – это, вероятно, произнести следующую пафосную речь: «Фи-

лософия закончена, философия мертва! И я считаю, что с меня начнется нечто совершенно новое. Не философия, но мысль! Не философия, но жизненная сила! Не философия, а новый рациональный язык! То есть, не старая философия, а новая, которая – по удивительному совпадению – оказывается моей философией».

Поэтому возможно, что будущее философии всегда будет сохранять форму воскрешения. Старая философия, как старый человек, умерла, но эта смерть, на самом деле, является рождением нового человека, нового философа.

Однако есть тесная связь между воскрешением и бессмертием, между самым значительным изменением – переходом от смерти к жизни, и наиболее полным отсутствием изменения, обнаруживающимся, как нас захватывает радость спасения.

Возможно, повторение мотива конца философии вместе со связанным с ним и так же повторяющимся мотивом нового начала мысли является знаком фундаментальной неподвижности философии как таковой. Вполне может быть так, что философии необходимо ставить свою преемственность, свою повторимость под знак драматической пары рождения и смерти.

Достигнув этого пункта, мы можем вернуться к работам Альтюссера. Ведь Альтюссер, утверждая, что философия зависит от науки, говорит в то же время нечто весьма странное, а именно, что у философии вообще нет истории, что она

всегда – одно и то же. В этом случае проблема будущего философии проста: её будущее – это её прошлое.

Только представьте себе: вот Альтюссер, великий марксист, ставший последним защитником старой схоластической концепции *philosophia perennis*, то есть философии как чистого повторения того же самого, философии в стиле Ницше – как вечного возвращения того же самого.

Но что представляет это «то же самое»? В чем заключается эта тождественность того же самого, которая равноценна антиисторической судьбе философии? Этот вопрос, очевидно, возвращает нас к старой дискуссии об истинной природе философии. Известно, в целом, два основных направления. Согласно первому, философия – это, по существу, рефлексивное познание. Познание истин в теоретической области, познание ценностей в области практической. И в этом случае нам надо организовать обучение и передачу этих двух фундаментальных форм знания. Следовательно, форма, подходящая философии, – это форма школы. Философ – это профессор, как Кант, Гегель, Гуссерль, Хайдеггер и многие другие, включая меня самого. Он организует рациональную передачу и обсуждение вопросов, связанных с истиной и ценностями. На самом деле, именно философия во времена греков изобрела саму форму Школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.